

Экономические новости от Информнауки

В России и триста лет назад крестьянин проедал всё, что зарабатывал

Московский историк, который изучает сельское хозяйство на Руси XVIII века, полагает, что триста лет назад крестьяне едва могли прокормить себя и виноваты в этом суровый климат и неплодородные почвы Европейской части России, которые сильно сокращают сезон сельскохозяйственных работ.

С тех пор как на Руси появились первые огороды, крестьяне ругают природу земли, которая их кормит, то за возвратные весенние и ранние осенние заморозки, из-за которых сельскохозяйственный сезон начинается с половины апреля и заканчивается в сентябре, то за крайнюю переменчивость летней погоды.

Россия — страна большая, нет у неё единого благоприятного климата и в каждом районе свои трудности. Например, в Астраханской губернии весной посевам грозила излишняя влага, летом — жара и град. На Севере посевам озимых осенью без снега было холодно, а весной от обилия снега — жарко, да и заморозки грозили только что проклюнувшейся зелени. В Каширском уезде греча страдала от осенних заморозков, а в Воронежской губернии — от «утренников». В XVIII веке из-за «мокроты», «сухоты», холодного лета, заморозков, наводнений и суровых зим каждый третий год был неурожайным.

На огромных пространствах Европейской России преобладают неплодородные подзолы и болотные почвы. На протяжении многих веков крестьяне Нечерноземья собирали урожай лишь втрое больше посеянного. Островками благополучия были донские степи, Курская губерния, на Северном Кавказе — Кизлярский уезд и земли Моздокского полка, некоторые уезды Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерний. Но все они терялись в огромной массе малоплодородных земель. Трудолюбивые крестьяне годами отбирали самые урожайные, стойкие к заболеваниям культуры: озимая и яровая рожь, овёс, ячмень, пшеница особого сорта — ледянка, которую можно было сеять сразу после схода снегов, горох и греча, в меньшей степени лён и конопля.

Сколько же времени требовалось крестьянину, чтобы обработать одну десятину (1 гектар)? Конечно, русскому крестьянину XVIII века не приходило в голову вести учёт работ на своём наделе, поэтому профессор Л.В. Милов воспользовался сведениями о монастырских хозяйствах. В среднем на обработку десятины в Нечерноземье уходило около сорока рабочих дней, что вполне сопоставимо с объёмом работы, скажем, французского крестьянина. Разница, однако, в том, что француз-земледелец трудился в поле девять месяцев в году, русскому же крестьянину на сельскохозяйственные работы природой был отведён срок вдвое короче. За вычетом праздников, воскресений и покосов у него в запасе оставалось сто рабочих дней, половину из которых крестьянин трудился на барщине, поэтому успевал обработать лишь половину своего поля, да и то наспех.

Да и кормила русская земля крестьянина, согласно подсчётам, не досыта. В XVIII веке нормой зерна на человека в год были 24 пуда — меньше уже некуда. Исходя из этой нормы, историк вычислил, что крестьянин должен был съесть 3200 ккал в день, что вполне сопоставимо с современным уровнем. Однако двести лет назад крестьянин делился своим ежедневным рационом со скотиной. В результате ему доставалось лишь 1700–1500 ккал в день. Только в крайнем случае крестьянин продавал съестное на рынке, потому что это урезало его и без того скудный суточный рацион.

Благополучная крестьянская семья из 4 человек должна была тратить в год 26 рублей, включая подати, оброк, расходы на избу, соль, упряжки, сельскохозяйственные инструменты,

одежду. На самом же деле крестьянин-середняк едва выручал всего 8–10 рублей в год, что уж говорить о бедняках.

«Минимум прибавочного продукта, который получал основной производитель — крестьянин, повлиял на экономическое, политическое и культурное развитие России XVIII века. В состоянии сельского хозяйства кроется разгадка особого исторического пути России», — считает профессор Л.В. Милов.

Трудиться, трудиться и ещё раз трудиться?

Социологическое исследование, проведённое ВЦИОМ в России, показало, что труд, хотя и занимает важное место в жизни, всё же не главная ценность современного общества.

Как сегодня род человеческий относится к своей трудовой деятельности?

Этому вопросу было посвящено международное сравнительное исследование, проведённое в рамках проекта «International Social Science Programme». Методика опроса и анкета, разработанные методической группой проекта, были едины для всех стран-участниц. Объектом изучения стало отношение человека к труду как к таковому, к конкретной работе, к рабочему месту и организации, где он работает.

В России опытную базу составляли данные опроса 1700 человек по случайной для всего населения выборке. Занятое население, то есть имеющее постоянное место работы, составило 51%, незанятое — 49%, в том числе учащиеся — 7%, пенсионеры — 27%, домохозяйки — 5% и безработные — 10%. Высшее образование имело 14% опрошенных, среднее — 47%, ниже среднего — 39%.

Исследователи задали вопрос: «Каким занятиям Вы хотели бы уделить больше времени, а каким меньше?» Желание прежде всего работать высказали 30% опрошенных, тогда как семье, отдыху и досугу захотели отдать больше времени свыше половины, а домашним делам — треть. Означает ли это, что у большей части населения работа отнимает так много времени, что его не остаётся на другие занятия? Оказалось, что трудоголики, то есть те, кто трудятся в ущерб другим занятиям, составляют пятую часть работающих. Чуть меньше (18%) умеют гармонично сочетать большую трудовую нагрузку с делами в других сферах жизни.

Данные исследования указывают на то, что в массовом сознании распространены примерно в равной степени 2 типа отношений к труду. Чуть больше половины работающих (51%) согласны с мнением, что работа — это только способ заработать деньги и ничего более. Но 49% считают, что работа для человека — это самое главное в жизни, и 40% согласны работать даже в том случае, если бы они вообще не нуждались в деньгах.

Заработная плата, безопасность работы, её содержание и общественная значимость в глазах большинства оказались на первых местах. Но применительно к конкретной выполняемой работе эти притязания не всегда оправдываются, ожидания и реальные оценки расходятся достаточно существенно. Только при оценке общественной значимости работы расхождений практически не было.

Многие респонденты нередко испытывают физическую и нервную нагрузку, постоянно или очень часто находятся в состоянии стресса, приходят с работы измотанными. К тому же примерно для трети работающих знания, опыт и квалификация, полученные в прошлом, оказались неприменимыми в нынешней деятельности. И хотя работой удовлетворены больше половины опрошенных, свыше 40% заявляют о желании сменить место работы. Однако практическая готовность к смене рабочего места вдвое меньше потенциальной, что, безусловно, связано с пессимистичной оценкой собственных шансов на рынке труда.

На Алтае — Средневековье, на Русском Севере — капитализм

Экономический кризис полностью изменил уклад жизни в российском селе.

Новосибирские учёные утверждают, что в стремлении выжить оно отступило от теории экономических формаций К. Маркса и из социализма двинулось в разных направлениях. Например, в поморских сёлах Русского Севера возник капитализм, и селяне превратились в рантье, а жители Алтая вернулись к автономной материальной жизни — вне времени и вне цивилизации.

Когда говорят о проявлениях глубокого экономического кризиса в России, то чаще всего обсуждают проблемы промышленности и города. С тем, как он затронул экономику сельскую, мы знакомы гораздо меньше. Учёный из Новосибирского Института философии и права Сибирского отделения РАН, доктор философских наук Ю.М. Плюснин выяснил, как за последнее десятилетие изменились психология и поведение селян в российской глубинке — в северных районах горного Алтая и на побережье Белого моря и обнаружил, что «экономика выживания» полна парадоксов. Вот некоторые из них.

Жители Алтая, как и большинство россиян, в начале 90-х годов оказались в тяжёлых финансовых условиях. Но в этом регионе положение было особенно плохим. Единственная отрасль традиционного хозяйства — животноводство — практически выродилась, и скот пришлось резать для себя. Но люди нашли другой способ выжить, радикальный и непредсказуемый. Лишённые электроснабжения, связи, топлива, они стали рожать детей.

Почему же люди решились на такой, казалось бы, нерациональный шаг? Оказывается — от отчаяния. Государственное пособие на детей было вдвое больше, чем средняя зарплата, а для многих семей оно казалось вообще единственным источником денег.

Второй парадокс в том, что в разных регионах проявились принципиально разные механизмы жизнеобеспечения. В Горном Алтае селяне выбрали путь самодостаточности и автономности, а на Русском Севере — зависимость от внешних экономических субъектов. В чём это выражается? После нескольких лет метания и мытарств алтайцы стали развивать частные подсобные хозяйства, и сегодня их структура стала такой же, какой она была у крестьян средневековой Франции и Германии. На каждого человека приходится от 1 до 1,5 гектара пахотной земли, 1–1,5 га сенокосов и пастбищ, 1–1,5 головы домашнего скота, и всё это позволяет прокормить себя в умеренной климатической зоне.

На поморском Русском Севере на одного человека здесь приходится всего 1,4 сотки пахотной земли (это в 10 раз меньше, чем необходимо для прокорма даже в средней полосе), из 100 семей лишь одна-две держат коров, а на 912 обследованных семей приходится всего лишь 5 свиней. Мясные продукты северяне получают за счёт морского промысла и охоты, как это было в середине XIX — начале XX века. А как же всё остальное? Не одним же мясом жив человек?

Оказалось, что, не имея работы, достаточного личного хозяйства, крестьяне на Севере все же получают средства, причём в таком количестве, которое позволяет им относительно безбедно существовать. Что это за деньги? Каждый рыболовецкий колхоз ловит рыбу в Атлантике и продаёт её, в том числе и заграничным партнёрам. Полученные средства колхоз распределяет в виде зарплаты и пенсий. Величина этих выплат невелика, но стабильна. Уровень доходов рыбаков удовлетворяет. Интересно, что работать на собственных рыболовных судах они не желают и предпочитают вербовать команды в Эстонии и на Украине. Получается, что поморы живут за счёт ренты, не работая, и у них даже сформировалась психология настоящих рантье.

С точки зрения учёного, период, в котором мы живём, — катастрофа. В экономике села возникают феномены, которые теоретически не должны существовать одновременно. В остром опыте, которому, волею судеб, подверглась Россия, выяснилось, что в рамках одного и того же общества формируются модели жизнеобеспечения, соответствующие разным историческим формациям. В одном случае (на Алтае) возникла внеэкономическая материальная жизнь примитивного уровня, в другом (на Белом море) — капитализм, основанный на финансовой экономике. И переход от одной к другой может занимать не столетия, отведённые формационной теорией, а всего лишь месяцы.

Нам хлеба не надо — работу давай!

Меняется Россия, меняемся и мы с вами. Но как быстро и в каком направлении? На этот вопрос отвечают московские психологи, которые провели масштабное трёх-этапное исследование (1994, 1997 и 1999 гг.) в Московском регионе.

Исследование проводили в три этапа: в 1994 г., в 1997 г. и в 1999 г. Объектом исследования стало население Московского региона общей выборкой 215 человек (в 1994 г.), 314 человек (в 1997 г.) и 887 человек (в 1999 г.). В каждой выборке примерно в равных частях были представлены следующие социальные группы: работники государственных и частных предприятий, акционерных обществ открытого и закрытого типа, обществ с ограниченной ответственностью, военнослужащие, предприниматели, безработные, студенты и старшеклассники. Учёные строго следили за тем, чтобы эти выборки на всех этапах были уравнианы по полу, возрасту, семейному положению, образовательному статусу и т.п., то есть были сопоставимы.

Теперь, когда большая аналитическая работа завершена, можно поговорить о результатах. В период с 1994 г. по 1997 г. мы больше стали ценить работу: с 8-го места в иерархии ценностей она переместилась на 4-е. Честность с 3-й ранговой позиции перекочевала на первую. Образованность устойчиво занимает первые места в иерархии ценностных ориентаций: в 1994 г. её ставили на 1–5-е места 46% опрошенных, а в 1997 г. — 57%. Итак, психологи считают, что ценности «работа, честность и образованность» в 1997 году восстановили свои позиции, которые сильно пошатнулись в начале 90-х.

Есть ценности, которые сдали свои позиции: мудрость с 9-й переместилась на 10-ю, творчество — с 10-й на 13-ю, самоконтроль — с 5-й на 8-ю, рационализм — с 14-й на 17-ю. Ценность собственности переместилась с 15-го места на 18-е. Учёные объясняют это тем, что основное перераспределение государственной собственности происходило в 1993–1995 годах и к 1997 году этот процесс в основном завершился, поэтому актуальный интерес к собственности у рядового населения снизился.

А теперь посмотрим, что изменилось к 1999 году. Приятно, что более выраженными стали ориентации на ценности творчества (с 13-го места на 11-е) и эффективности в делах (с 13-го места на 8-е). Грустно, что ценность общения с друзьями опустилась с 5-й на 6-ю ранговую позицию, а воспитанность с 9-й ранговой позиции стала 13-й (!) по значимости. Отрадно, что работа, честность и образованность удержали свои позиции. Надолго ли?

Подводя итог, можно сказать, что в 1999 году, по сравнению с первой половиной 90-х годов, для подавляющего большинства опрошенных более ценными стали работа, образованность и ответственность, а менее значимыми — мудрость, собственность, самоконтроль, рационализм и независимость. Ну что ж, мы с вами меняемся, теперь этот факт зафиксирован учёными. Но не слишком ли быстро?

Наукограды — города-камикадзе?

Наукограды России стремительно стареют вместе с научными коллективами, работающими в этих городах. Российские учёные, проанализировав ситуацию в подмосковном Пушкино, выяснили причины этого, пока необратимого, процесса.

В 1963 г. был образован Пушкинский научный центр биологических исследований АН СССР. К концу 70-х в Пушкине насчитывалось 17 тыс. жителей, 10 тыс. из которых составляло взрослое население. Средний возраст жителей — 33 года, средний возраст сотрудников научных и научно-производственных учреждений — меньше 40 лет.

В таких небольших и специфических городах особенно важно контролировать демографические изменения, чтобы иметь возможность прогнозировать события. Поэтому в 1980 г. учёные составили различные сценарии развития города по программе, разработанной М.А. Цыгановым и Г.Р. Иваницким. И сегодня это дало уникальную возможность сравнить прогноз

и реальность.

В 1985 г. возрастной состав населения совпал с предсказанным с точностью до 5%, а после 1985 г. реальность и прогноз стали резко расходиться. Почему?

Во-первых, изменился сценарий. До 1987 г. Пущино развивался как «открытый город», в котором стабильный миграционный поток обеспечивает прирост и сдерживает старение популяции города, но требует жилищного строительства. После 1987 г. развитие города стало приближаться к сценарию «закрытого города», когда численность населения изменяется лишь за счёт рождаемости и смертности. Такой ход событий возможен, если нет дополнительного жилищного строительства, а оно действительно почти прекратилось. В результате прогноз общей численности населения на 1998 г. разошёлся с реальностью на 3 тыс. человек.

Во-вторых, в городе, как и в России, рождаемость упала, а смертность помолодела. В 70-х годах, когда город был молод, «залповая» рождаемость создавала иллюзию естественного прироста населения, хотя на самом деле рождаемость оставалась низкой: 198 рождений на 100 семей. (Для простого воспроизводства населения необходимо 260 рождений на 100 семей.) А смертность в процентном отношении к численности населения была низкой только потому, что город был молодым. Согласно прогнозам учёных рождаемость и смертность в количественном отношении должны были сравняться к 2012 году. Однако жизнь превзошла все ожидания: уже в 1991 г. количество родившихся сравнялось с количеством умерших. Начиная с 1991 г. естественный прирост в городе уже не покрывал потерю от смертности, и эта тенденция усиливалась.

В-третьих, миграционный поток не только сократился, но изменил свою направленность: приезжающих в город стало меньше, чем отъезжающих. Первая волна уехавших была связана с политической и экономической нестабильностью конца 80-х годов, снятием ограничений на выезд за рубеж. Вторая волна сформировалась в начале 90-х, когда все научные сотрудники были отброшены за черту бедности, а востребованность в фундаментальных исследованиях и наукоёмких технологиях в стране исчезла. Наконец, третью волну миграции научных сотрудников породили события августа 1998 г., когда очередной финансовый обвал вновь ударил по бюджетной сфере.

В конце 70-х годов в институтах Пуштина численность научных сотрудников до 29 лет составляла около 35%, а в возрасте 30–39 лет — около 50%. Сегодня в Пушине научных сотрудников в возрасте до 29 лет всего 9,25%, 30–39 лет — около 14%, от 59 лет и больше — 35,5%. Сегодня средний возраст доктора наук в Институте теоретической и экспериментальной биофизики РАН — 62 года. Это больше, чем средняя продолжительность жизни российских мужчин. Научные институты в наукоградах на треть превратились в коллективы предпенсионного и пенсионного возраста.

Тенденция старения наукоградов была заложена предшествующей историей развития науки в СССР, а государственные «реформы» последних лет ускорили этот процесс. Максимальный прирост научных сотрудников в СССР в 60-х годах достигал 10–11% в год и был связан с политикой государства, которое стремилось ликвидировать очевидное научное отставание СССР от передовых стран. Эту задачу решали простым экстенсивным путём, то есть увеличивая число научных работников. Той же стратегии придерживались многие развитые страны. Однако западные эксперты быстро сообразили, что при такой стратегии научного развития через 150 лет всё население должно превратиться в научных сотрудников.

Тем не менее в 1980 г. в нашей стране было 1376,3 тыс. научных сотрудников — это примерно четвертая часть всех научных работников в мире. Бюджет страны не выдерживал такой нагрузки. В этот период западный мир отказался от экстенсивного развития науки и перешёл к стратегии тесной кооперации и повышения интенсивности научных исследований путём обмена результатами, кадрами, создания совместных информационных систем, совместного финансирования проектов, расширения поисковых исследовательских отделов в межнациональных фирмах и корпорациях. Например, объединению Европы предшествовало объединение её научного потенциала в области фундаментальных исследований. Таким образом, 1,4 млн стареющих научных сотрудников в СССР уже не могли противостоять 5 млн

научных исследователей в остальных странах, работающих в тесной кооперации и непрерывном общении. До 30% сравнительно молодых научных сотрудников бывшего СССР уехали и были ассимилированы мировым научным сообществом в развитых странах.

Итак, старение научных кадров в наукоградах было запрограммировано ещё при создании научных центров СССР. Они исходно были городами-камикадзе. Цель их создания состояла в решении сиюминутной задачи — быстро ликвидировать отставание от Запада. Что будет с такими городами через 20–25 лет, об этом никто не задумывался. Они свою государственную задачу выполнили и теперь сами должны позаботиться о собственном спасении.